

Ирина Саморукова ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ МЕЧТЫ

1996 №6

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ ГАВРИЛОВА

"Как хороши, как свежи были розы..." Помните этот сладко-жеманный роман на стихи воспетого Лермонтовым Ишки Мятлева? Ностальгической нотой эти строки прозвучат потом в тургеневском стихотворении в прозе. Розы, розы, ах, розы! В вас - трепетность первой любви, нежный закат, пение соловья, волнение грядущего стиха!.. И даже если ты родился и вырос "в поселке Шлаковом, возле Шлаковой горы", ты имеешь право на их изысканную красоту. Ты можешь написать и "стихотворение в прозе" о том, как хотел сотворить розу, найдя в окрестностях поселка красивый камень и уединившись в сарае. Только из камня, как ни старайся, выйдет не роза, а прокатный стан, вагранки, шлаковозы или "что-нибудь металлургическое". И ничего тебе не останется, как только заплакать, вопрошая: "Но где же розы?" ("Но где же розы?").

Уроженец Донецкой области, писатель Анатолий Гаврилов часто вспоминает в своих маленьких рассказах о сюжетах и коллизиях великой русской литературы. Помните, у Чехова: жили в провинции девушки, лес, река, здоровый русский климат, вокруг влюбленные в них военные. Правда, они все хотели уехать, кажется, в Москву, но как-то не решались, и в конце концов самая мечтательная из них, Ирина, отправляется куда-то преподавать в заводской школе. У Ан. Гаврилова тоже есть такая девушка - повариха Роза из деревни Глыбоч ("Роза"). Служит она в дивизионе, что стоит "в глухих болотистых лесах, окружён электрической сеткой", и каждую ночь в ее каморку стучат и заглядывают в окна осатаневшие без женщин солдаты. И ей, мечтающей об иной, красивой жизни, тоже снится Москва, куда ее отвезут на "Волге", и где сам Главнокомандующий предложит ей лондонтон, губную помаду, тушь, сережки, пластическую операцию и даже медаль "За стойкость при стуке в дверь в условиях ракетного дивизиона, расположенного в глухих, болотистых лесах".... Но звенит будильник, и Роза никуда не едет, а отправляется на кухню, да и не поедет она никуда, разве что в деревню матери помочь...

Был в русской классике телеграфист, трагически влюбившийся в княгиню, а у Ан. Гаврилова есть, вернее, тоже был железнодорожник, который ради страстной любви к М.Плисецкой уехал в Москву, работал там дворником, а потом заболел и умер ("Кармен-сюита").

Тексты Ан.Гаврилова можно назвать рефлексией по поводу великой мечты, воплощенной не менее великой русской классикой, той, что частенько задавала вопросы "Что делать?" и "Кто виноват?", потом долго и высокохудожественно решала их, чтобы прийти к нехитрому ответу: никто не виноват и ничего не поделаешь, судьба, "...счастья нет, не должно быть и не будет для нас..." Последнее, кажется, тоже из "Трех сестер" Чехова. Время, в конце концов, замкнуто, циклично: уехал из Петербурга - вернулся в Петербург, а мечта-то и не сбылась. Но нет пессимизма в нашей литературе, потому что не неудачи отдельной жизни важны, а мечта, приоткрывающая прекрасный горизонт, пусть не для героя, но для потомства - это уж наверняка. Поэтому и у Тургенева, и у Гончарова, и у Чехова так самодовлеющи пейзажи, родные просторы, вечно полные жизнью и неиссякаемо прекрасные. Они-то никогда не денутся и вдохнут силы в грядущие поколения.

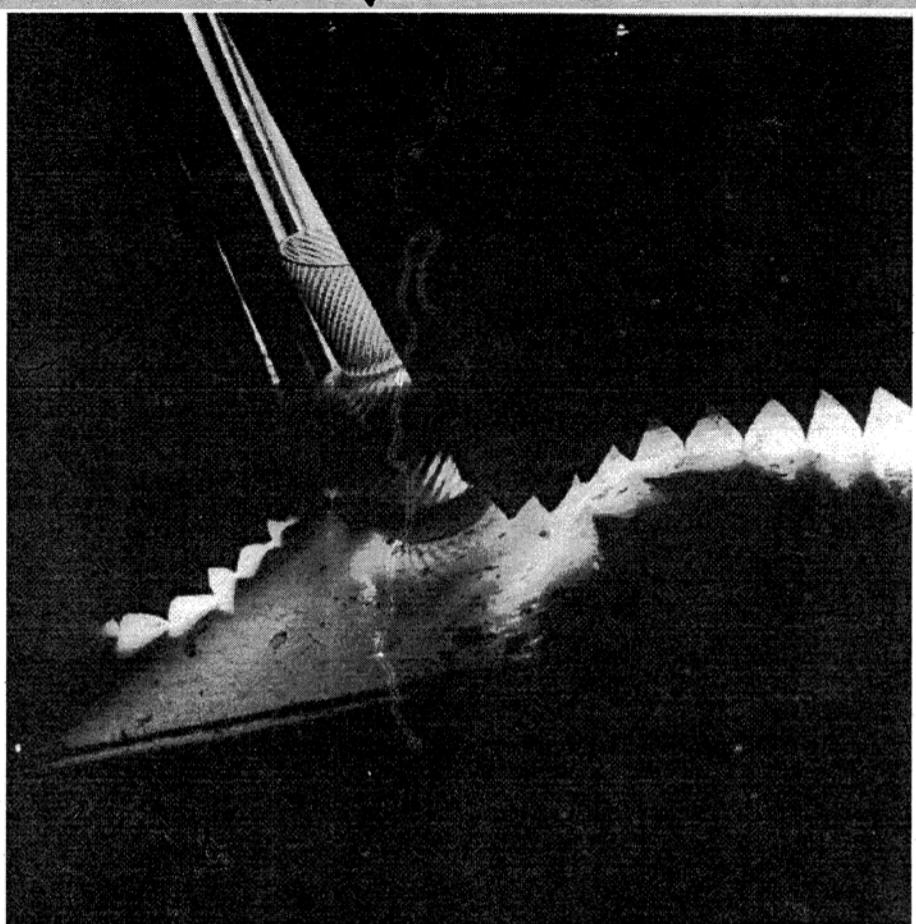
Трагизм мироощущения Ан.Гаврилова связан с тем, что "просторы" все-таки иссякли. Вишневые сады вырубили, понастроили шахты и компрессорных, ну а потом, конечно, и дачи разбили: "Иван Сергеевич купил дачу. Не очень дорого, не очень далеко, приличный домик, яблони, малина, крыжовник... Местность слегка возвышенная, слева - террикон отработанной шахты, справа - кладбище, в балке - маслянистый отстойник, на горизонте - цилиндры, конуса и пирамиды крупнейшего в Европе металлургического комбината..." ("Дача").

Ан.Гаврилов вовсе не занимается природоохранительной темой. Пространство его рассказов, несмотря на тошнотворную конкретику быта промышленного поселка, условно. Это пространство чужой воплощенной мечты, изнанка прекрасных проектов тех, вернее, той (родной литературы), что грезила о счастливой жизни для будущих поколений. Слякотная осень сбывшейся надежды (в рассказах Ан. Гаврилова никогда не бывает лета). Нет, художник не винит никого в беспросветности сегодняшнего бытия. Опять никто не виноват. Поселок Шлаковой - это судьба, последний этап великого природо-культурного цикла. Писатель делает акцент именно на замкнутости, недвижности времени, в котором даже конец света был бы праздником. А может, это тоже из классики: "Я молод, жизнь во мне крепка, чего мне ждать... Тоска! Тоска!".

Персонажи Ан.Гаврилова больше не думают о счастливом потомстве, они замыкаются в себе, в своем одиночестве. На пустыре культуры каждый один, один после мечты, как новоиспеченный пенсионер Иван Петрович ("Альбом"). Он запирается в маленькой пристройке, чтобы переложить в подаренный ему альбом с золотистой надписью "Дорогому Ивану Петровичу от коллектива цеха мясорубок" свои личные фотографии: армия, первомайская демонстрация, поездка в Горловку: "Впервые бросилось в глаза, что на всех фотографиях он почему-то хмур, насуплен, и только вот на этой маленькой, пожелтевшей - улыбается: голенький, пухленький, задрав ножки и выставив два первых зубика, он лежит на каком-то цветастом коврике и улыбается...

На обратной стороне: "Ване годик".
- Ване годик, - вслух произнес Иван Петрович.
За окном сгущались поселковые сумерки.
В пристройке совсем стемнело.

ЭССЕ "ЦИРКА" ОДИНОЧКА

Мария Снигиревская."За кулисами", 1994.

Завил Шарик.

Дочь за стеной включила магнитофон: "...жи-изнь не-возмо-ожно по-овер-нуть на-азад..."

Герой русской литературы становится в прозе Ан.Гаврилова Гантенбайном ("Гантенбайн и кабан"), который обречен в одиночестве биться над неразрешимым вопросом о смысле уже завершившейся жизни. Даже если ответ и будет найден, это не изменит ничего: ("Б" и "У"). Бытия нет, точнее, оно равно плоскому быту, от которого хочется блевать ("Мой календарь"). Даже срочные телеграммы, которые с риском быть покусанным бродячими пасами или провалиться в канаву доставляет в грязь и темень пожилой почтальон ("Доставщики телеграмм"), гласят: "Носки купила!" - "Яйца не покупай!" - "Поливай цветы!" - "Колбасу купила!" - или в лучшем случае: "Вгрызайся в жизнь, Борис, смелее, не делай часто перебор, теперь во многом будь мудрее - ты в тридцать лет уже майор!"

В трагически-безысходном мире платоновского "Чевенгур" герои очень много спят. Мучительно хотят уснуть и персонажи Ан.Гаврилова. Спать хочется... Помните, у Чехова есть рассказ о девочке Варьке, которая ночью качает ни на минуту не замолкающего ребенка, а целый день крутился как белка в колесе, прислуживая хозяевам. Варька страстно жаждет лишь одного - спать, спать, спать... Обезумевшая, она душит младенца и погружается, наконец, в благодатную тьму.

В рассказе Ан.Гаврилова "Практикан" парень - пэтэушник тоже пребывает в полубредовом состоянии между сном и явью. Его постоянно будит мастер, чтобы следить за показаниями каких-то промышленных приборов. "Душно, жарко... запах доменного газа... гул подземных двигателей... время не движется, стоит на месте." "Кипящая жизнь" воплощается в угрожающе колеблющемся давлении природного газа. Уснуть, то есть разорвать этот бессмысленный, бесчеловечный "производственный процесс", прыгнуть с крутого берега в прохладную воду, вздрогнуть от блаженства на другом берегу под гул летнего (летнего!) леса. В древнем народном представлении лес и река - это граница иного мира, таинственный барьер жизни и смерти. Что будет, если преодолеть его? "С веем срабатывает избыточный клапан, практикан подпрыгивает от страха, и все вокруг окутывает едким дымом..." Этот пустой мир может умереть только вместе с нами...

Герои Ан.Гаврилова хотели бы не быть, не ведать, не слышать, молчать. Дурачок Митя ("Старуха и дурачок") счастлив, когда, покинув добросердечную бывшую учительницу, которая пытается преодолеть его "педагогическую запущенность", бежит в универмаг, "где у него миллион невест в невыносимо коротких юбках". Старый разносчик телеграмм любит посещать общежитие глухонемых, где "все понятно, улыбки, никаких вопросов и претензий".

Если время не замыкается на круг ("Роза", "Лезгинка", "Дача", "Гантенбайн и кабан"), то оно кончается сном или смертью ("Практикан", "Разносчики телеграмм", "Альбом", "Песнь о машинах"). Как говорится, что в лоб, что по лбу. Как в русской байке про Фому и Ерему: один голый, а другой раздетый, один не ел, а другой не обедал и т.д. ... Из поселка Шлаковой одна дорога. Сами догадываетесь, куда...

Хотя гавриловские герои и размышляют о самоубийстве как о самой серьезной из философских проблем ("Гантенбайн и кабан", "Б" и "У"), они на него никогда не решаются. Смерть наступает "естественным порядком", как предрешенное и предназначеннное. И жить нельзя, и умереть страшно. Благо, если случай, судьба. Что же, простите, снова чудо? Чудо и есть, но уже не чудо жизни без нас, а чудо смерти всего вместе с нами. Только чудесное наступит теперь не как нечто теплое, пахнущее розами, неопределенно-женственное. Оно будет едким, дымно-вонючим, промышленно-конкретным, как тяжелые грузовики, которых не заклясть любовью и которые обязательно врежутся в твой дом ("Песнь о машинах"). И тогда тот, кто уцелеет, напишет песню о том, что произошло, и в записи вместо нот будут новые значки - корявые контуры самосвалов - тех, что уничтожили обыденно-страшную картину под названием - пейзаж после мечты.